

Марія Тіамат

ВЕЛИЧИЕ

Том 2

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Т39

Тиамат, М.

Т39 Величие. Том 2 / М. Тиамат. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 354 с. — (Величие).

ISBN 978-5-517-11672-7

Шиа постепенно обретает вес в обществе, и противники из числа знати, почувствовав власть иностранки над императором, становятся опаснее. Непокойно и на границах Белой империи: Королевство Дроу продолжает угрожать войной и мир то и дело висит на волоске. Решившись отказаться от родины, Шиа навсегда связывает свою судьбу с Белой империей и ставит на карту всё - однако жизнь порой чревата такими поворотами, которые способны разрушить наши планы до основания....

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FА
BISAC FIC000000

© Тиамат М., 2024
© Дженова В.,
внутреннее оформление, 2024
© Мастерская Фантазерки,
обложка, 2024
© Мастерская Фантазерки и Тиамат М.,
форзац, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11672-7

ЧАСТЬ 3

ИХ ИЛЛЮЗИИ

ГЛАВА 7.

НЕДОСКАЗАННОСТЬ

Кэрел Мелирт любил ходить пешком. Это помогало упорядочить мысли. Систематизация вообще была его стихией: дойти до сути вопроса, хладнокровно препарировав его на звенья, тщательно изучить каждое из них в отдельности, а затем логически связать полученные результаты, создавая цельную картину мира, — в этом у него была практически физическая потребность. Кэрел не находил покоя, пока не добивался того, что изучаемая тема становилась кристально ясна. В самой безупречности скрывалось неизъяснимое, почти чувственное наслаждение.

Привычка подолгу гулять возникла у него ещё в детстве, когда, устав покорять необъятные просторы домашней библиотеки, Кэрел убегал в сад, а дальше, через поля, к излучине местной реки, где мог бродить по берегу до вечера. Поступив в гимназию, он часто возвращался пешком, прося кучера не гонять зря лошадь. Мысль бежала вслед за мерным шагом — плавно и текуче, и Кэрел с удовольствием слушал её убаюкивающий шелест. Ни дождь, ни холод не отвращали его от прогулок. Не изменил Кэрел этой привычке, и перебравшись в столицу.

Сейчас, вдыхая морозный воздух, князь Мелирт чувствовал, как вопросы, столь мучившие его накануне, выстраиваются стройными каскадами, обретая звучание. Он до полуночи читал увлекательную повесть, присланную ему Сепиру, и ещё долго пытался разложить

ВЕЛИЧИЕ

на составляющие мотивацию героев. История была и комична, и трагична: легкомысленный дворянин, безутешно тоскующий по умершей в родах возлюбленной, и подрастающая в его доме дочь — с которой он постоянно ссорится. Созданные автором характеры отличались своеобразностью, но самое главное, ни один из героев не был до конца прав. Их взаимные претензии и обиды, ошибки и предрассудки перетекали одно в другое, создавая настолько плотную паутину фальши, что выбраться из неё уже не представлялось возможным. Кэрелу эта мораль казалась весьма правдивой. А ещё он жалел, что его детские книги были совсем другими.

Жизнь в гимназии открыла ему, что детские книги ничему не учат. Точнее, не учат ничему реалистичному. Злодеи представляются в них в гротескном, карикатурном виде, не имеющем ничего общего с настоящими пронизательными негодяями; отношения персонажей рафинированы и отдают искусственной благожелательностью, совсем не объясняя того, как принимать окружающих такими, какие они есть; конец всегда — иллюзорный-счастливый. В большинстве своём сказки рисуют упрощённую, искажённую модель реальности, в которой все положительные герои понимают, уважают друг друга с полуслова и разделяют одни и те же вкусы, а их враги неизменно оказываются наказанными. Да и враги-то они только потому, что злые — злые как будто по своей природе, не имея права ни на какое иное положение в обществе. И никто не объясняет, как общаться со сверстниками, если они, например, банально кажутся тебе вульгарными. Но никак не злыми.

Да, вот что значит книгу посоветовала Сепиру! Благодаря многочисленным связям среди журналистов, юристов, учёных и прочей интеллигенции она частенько приносила необычные находки, ещё неизвестные широкой публике. И Кэрел про себя считал, что за ними будущее. Что они наконец-то подсветят обществу все его заблуждения. Они с Сепиру иногда часами обсуждали сюжет той или иной книги и в этом с самого начала знакомства нашли общую почву.

Ма́ри́я Ти́амат

Вообще Кэ́рел был рад, что у него есть друзья. Долгое время он полагал, что они и вовсе не нужны. Золотистый свет, проникающий сквозь кружевные шторы домашней библиотеки, раскрытые на кровати книги, тишина, покой и бесконечные путешествия по страницам чужих историй — таковы были его воспоминания о детских годах.

Неожиданно для самого себя Кэ́рел тяжело вздохнул. С чего бы это? Оглянувшись, он увидел, что уже успел пройти половину пути до работы. С тех пор, как выпал первый снег, погода стояла просто чудесная: плотный белый покров сделал столицу светлее и приятно поскрипывал под ногами. Утоптаный и смешанный с песком, которым дворники уже начали посыпать дороги, он напоминал сливочное масло. Чуть пощипывающий лицо воздух и бодрящая прогулка — откуда было взяться плохим мыслям? Князь остановился, пытаясь охватить взглядом всю ширь туманного небосвода, домов и тротуаров, напоминая себе: вот его жизнь, вот его место в ней — и разве это не прекрасно, что он всё это видит и чувствует?

Должно быть, он просто волновался. Какие бы прозвища ни давал ему свет — «истукан-отшельник», «чудак», — Кэ́рел на самом деле был весьма эмоционален. Просто эмоции его, подобно подземным водам, протекали скрытно — предназначенные лишь для него одного. Он наслаждался ими и лелеял их, не находя причин выплёскивать наружу. Разве что на бумагу — о, это было другое дело! В прозе Кэ́рел не ведал пределов, возносясь на вершины трагедии и рея в пылу испытаний. Но даже тут творец однажды достигает пределов, и ящик письменного стола становится для него слишком тесен.

Не доходя до улицы, на которой располагалась редакция государственной газеты, Кэ́рел свернул на почту. Он не хотел разоблачать свою личность, подписывая конверт своим именем. И если его признают, если роман обретёт популярность — Кэ́рел внезапно подумал, — тогда он сможет доказать родителям и всей родне, что не

ВЕЛИЧИЕ

зря выбрал собственный путь, отказавшись продолжать магические эксперименты отца. Тяжёлый вздох вновь вырвался из груди. Почему-то радость от забрезжившей надежды на триумф превратилась в яд. Странная штука это авторское самолюбие: отправляя на чужой суд ночами выстраданную работу, мы, разумеется, отдаём себе отчёт, что никто не обязан любить её так же, как и мы, — и в то же время в глубине души безоговорочно верим в ожидающий нас успех... Этот мучительный диссонанс порой сводит с ума.

В груди у Кэрела всё замирало и обрывалось, когда он запечатывал клеем увесистую посылку и передавал её кассирше. Он так увлёкся переживаниями о том, как его книгу опубликуют, как ему начнут писать читатели и как он будет рассказывать, почему сделал героев именно такими и что всё это значит... что совершенно не заметил, как его нагнал один из подчинённых. Это был Ясмин — нетитулованный норд, редактор колонки культурных событий, так же, как и Пьерше, любящий поболтать. Только, в противовес графу Круазе, его речь не отличалась остроумием.

— Доброе утро, князь Мелирт. Гм... как поживаете?

— И вам, — улыбнулся Кэрел, насколько обязывали приличия, в то же время стараясь не вдохновлять коллегу на дальнейшую беседу. Но куда там!

— Послушайте, Кэрел, вы у нас такой умный. Можно я с вами посоветуюсь? — доверительно засеменил рядом Ясмин. — Только по секрету.

— Разумеется, — нарочито беспечно ответил князь Мелирт.

Он постарался сделать заинтересованное лицо, прекрасно догадываясь, о чём пойдёт речь: ни о ком другом, кроме как о своём коллеге и приятеле, говорить Ясмин не мог. У этих двоих была странная дружба, в которой они постоянно ссорились, причём из-за самых, на взгляд Кэрела, нелепых ситуаций.

— Объясните мне, почему Уве всё время на меня обижается? Я знаю, обсуждать других нехорошо. Однако я

Ма́ри́я Ти́амат

считаю, он невероятный ханжа! Вы согласны? Вот как бы вы отреагировали, если...

Кэ́рел поража́лся, почему его знакомые без опаски сплетничают ему друг про друга. Неужели не боятся, что он выдаст их секреты? Кэ́рел действительно ни с кем не делился услышанным, но не по доброте душевной: он находил изощрённое удовольствие в том, чтобы наблюдать чужие лицемерие и глупость и про себя презирать их, одновременно оставаясь хорошим «советчиком». Иногда, раздражённый пустопорожностью разговора, он хотел высказать собеседнику всё это в лицо, но каждый раз сознание тайного превосходства останавливало его. И жизнь продолжала идти своим чередом.

Здание, отведённое под редакцию государственной газеты, представляло собой настоящую мастерскую, в которой, однако, орудовали не молотом и наковальней, а словом. Ещё летом по просьбе Кэ́рела печатные станки обновили до скоростных моделей. В царствование Его Величества Келсия государственное издание не содержало ничего лишнего, напоминая законодательную сводку. Кэ́рел не считал это достаточным, добавив, на примере независимых журналов, прочие разделы и существенно расширив штат. Как ни странно, князь Мешерие не оказал серьёзного сопротивления. Быть может, он счёл, что этой маленькой прихоти императора стоит уступить.

В зале, разделённом перегородками, чтобы каждый мог в достаточной мере уединиться для сосредоточенной работы, стоял оглушительный шелест бумаг и стук печатных машинок. В дальнем углу едва слышно гудел магический портал, который то и дело озарялся вспышкой, материализуя высылаемые заграничными посольствами новостные сводки. Артель иллюстраторов, расположившаяся этажом выше, чертила макеты для очередного номера газеты; даже днём ярко горели светильники, чтобы

ВЕЛИЧИЕ

ничто не затрудняло работу штата; кто-то бегал между столами, разнося письма в редакцию; кто-то громко спрашивал, у кого словарь исторических терминов, и за плотно закрытыми дверями глухой стук типографских станков возвещал подготовку свежего номера.

Кэрел быстро прошёл через холл, приветствуя сотрудников и желая всем хорошего дня. Многих посоветовала ему Сепиру — зачастую нетитулованных, но неизменно профессионалов своего дела, и в редакции с порога ощущалась слаженная, рабочая атмосфера. Князя встречали с радушием.

Секретарша — блёклая, усталая на вид нордианка — принесла ему в кабинет черновики статей. Она то и дело отпрашивалась с работы, но Кэрел не снижал ей за это оплату, зная, что она воспитывает в одиночку двух детей.

— Может быть, чаю? — по привычке спросила секретарша, хотя он отвечал всегда одно и то же:

— Нет, спасибо, я сам.

Та улыбнулась и, понимаяюще кивнув, закрыла за собой дверь.

Наблюдая, как клубится, едва слышно ворча, белый кипяток, Кэрел уже просматривал тексты. Но всё-таки встреча с Ясмином испортила ему настроение, и мысли то и дело возвращались к ней. Было что-то на душе теперь тошное, низменное. А ведь Кэрел сам был в этом виноват! Виноват — и ничего не мог с собой поделать.

Потянувшись к нижнему ящику стола, князь извлёк тонкую, износившуюся от времени тетрадь. Он завёл её ещё в юношестве, фиксируя собственные правила жизни. Тезисы дополнялись по мере взросления, что-то вычёркивалось за ненадобностью, а самое главное выделялось жирными чернилами, и теперь список выглядел как-то так:

«Читать как можно больше — историю, худ. литературу, науки и пр. Забавные повести, анекдоты ограничить одной страницей в неделю. Никогда не тратить времени зря — если устал от одного занятия, подумай, чем полезным ты можешь заняться вместо этого. Если ты в

Ма́ри́я Ти́амат

поездке или ещё где-то, находясь на ногах, и заняться как будто нечем — вспоминай и размышляй о прочитанном, не давай мысли застыть.

Мысль изреченная есть ложь. Лишь жить в себе самом умей: есть целый мир в душе твоей¹.

Обязательно!!! Не поддаваться раздражающим мыслям — от этого только вред и никакой пользы.

Когда очень устал, лучше заставить себя лечь спать пораньше, чтобы набраться сил. Бесполезно укорять себя в непродуктивности.

Внешние события полезны для эмоционального самочувствия. Раз в месяц обязательно куда-нибудь выбраться».

Сейчас, перечитав его, Кэрел подумал и вписал:

«Последствие тщеславия — скука и раздражение. Помни, что ты ничем не лучше других», — потом запнулся и второе предложение закончил иначе: «Помни, что у каждого свои недостатки».

Ему и правда стало как будто легче. Словно ослабилась на горле удавка, из-за которой не хватало воздуха.

«Верно, нужно работать, а не судить других, — укорил себя он, усаживаясь за стол. — Настоящее удовольствие достигается в действии, а от ядовитых мыслей только осадок на сердце. Прочь, прочь!»

Переменив в кресле позу, князь наконец погрузился в материал газеты. Начав в расстроенных чувствах, он скоро втянулся и, сопоставляя содержание статей и делая пометки, наконец-то наслаждался тем, как шла и ладилась у него работа. За дверью глухо гудели голоса коллег, изредка перемежаясь возгласами или взрывами хохота, и это незримое присутствие других тоже успокаивало, восстанавливая мир в душе. Всё было хорошо. Вокруг снова царили тишина, покой и равновесие...

Его звали пить кофе, и Кэрел даже был не против, но работа настолько увлекла его, что буквально приковала к столу. Ощущение времени пропало. Чувство собствен-

1. Silentium! — Ф.И. Тютчев